

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГЛЕБ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОРЫШИН
(1931–1998)

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

Санкт-Петербург
2021

ББК83.3(2Рос=Рус)бя1: Горышин Г.А.

Г 67

Составитель *А.Г. Гродецкая*
Редактор *Г.В. Бахарева*

Глеб Александрович Горышин (1931–1998) : материалы
Г 67 к библиографии / сост. А.Г. Гродецкая; ред. Г.В. Бахарева. –
Санкт-Петербург: БАН, 2021. – 64 с. : портр., ил.

Указатель включает произведения ленинградского прозаика, журналиста, публициста, редактора журнала «Аврора» Глеба Александровича Горышина, опубликованные в 1954–1998 (и посмертно в 1999) гг. Описания расположены в хронологическом порядке по годам выхода отдельных изданий книг, сборников повестей и рассказов, газетных и журнальных публикаций очерков, статей, рецензий и интервью; внутри каждого года принцип расположения материала также хронологический. Указатель не является исчерпывающе полным. Составитель – дочь Г.А. Горышина, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

ISBN 978-5-336-00283-6 © Библиотека Российской академии наук, 2021

Глеб Горышин: биография и творчество

Глеб Александрович Горышин (15.03.1931–10.04.1998) родился и всю жизнь прожил в Ленинграде, но детство его «прошло в лесах» («С чего началось», 1987). Александр Иванович Горышин (1907–1970), его отец, в предвоенные годы был директором Оредежского леспромхоза, в 1941–1951 – управляющим трестом «Ленлес», поставлявшим в город лес в блокадные и послевоенные годы; награжден орденом Ленина (в 1942), медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в период Отечественной войны 1941–1945 гг.»; исключен из партии и отстранен от работы по «ленинградскому делу», позднее реабилитирован. Его мать Анна Титовна Горышина (рожд. Дементьева; 1904–1979) – детский врач; оба – из крестьянских семей Новгородчины. Основы его мирозерцания, по признанию писателя, были заложены в войну, когда семья эвакуировалась в Пестово на Мологе, затем в Мантурово на Унже, в 1943 переселилась в Тихвин, в прифронтовую зону, где служил отец, после прорыва блокады вернулась в Ленинград. В семье Горышин прошел школу «исконно народного, с богатством присловий, новгородского языка», которым в совершенстве владели его бабушка, мать и тетушка – учитель русского языка и литературы, жившая в семье сестры после расстрела мужа в 1937 году. По окончании 182-й ленинградской школы (здесь литературу преподавал Б.Г. Лейн – о нем рассказ «Любовь к литературе», 1984) в 1949 поступает на отделение журналистики ЛГУ. Окончив его в 1954, уезжает по распределению на Алтай, на целину, о чем позднее вспоминал: «Это был мой первый самостоятельный шаг, первый кирпич в собственноручной кладке судьбы-биографии. Слава

богу, что я его совершил, первый шаг определил весь дальнейший путь...» («Эта книга», 1980). Важно и другое признание: «Уезжая с Алтая, опять возвращался туда, потому что именно там первоначально моей литературной судьбы. Алтай меня вывел в люди, можно сказать и так» («О пользе пешего хождения», 1978). Собкором газеты «Сталинская смена» (с 1956 – «Молодежь Алтая») по Бийской группе районов и Горному Алтаю Горышин работал с 1954 до весны 1957, регулярно публикуя здесь, а с 1955 и в «Алтайской правде» очерки-репортажи с целинных полей. Ряд текстов, отразивших, по его словам, «слишком остро, буквально, с опережением событий» воспринятые оттепельные настроения, стали поводом для его отстранения от должности в мае 1957.

Писательским дебютом стал написанный на Алтае рассказ «Лучший лоцман» (1957) о лесосплавщиках на Бие. Алтайские сюжеты составили и первый сборник рассказов Горышина «Хлеб и соль» (1958). Здесь, в рассказе «Бельфлер-китайка» впервые появился надолго ставший любимым героем автора наблюдатель поста гидрометслужбы на Телецком озере Н.П. Смирнов, создатель яблоневого сада на берегу озера, «умудренный тайгой и трудами» натурфилософ (о нем – «Не только о погоде», 1976). В Горно-Алтайске на съемках фильма «Живет такой парень» Горышин познакомился с В. Шукшиным, сыграв в эпизоде роль «здорового мужика»; дружба и переписка с Шукшиным продолжалась до его смерти. В поздние годы Глеб Александрович опубликовал и свой самый ранний алтайский рассказ «Есть по Чуйскому тракту дорога...» (1990) как свидетельство общей для молодой литературы конца 1950-х «решимости впервые раскрепоститься», «вылущиться из насаждаемого десятилетиями идеологического норматива». «Помню, – признавался Горышин, – меня тогда поразили первые рассказы Юрия Казакова (чуть позже – рассказы Василия Шукшина) – именно свободой самоизъявления, какой-то неуместностью личностного начала, игрою словом, никем до этого не тронутой правдой жизни... Значит, можно и так?» («От автора», 1990).

Вернувшись с Алтая, печатается в ленинградской периодике («Нева», «Звезда», альм. «Молодой Ленинград» и др.). Вместе с А. Битовым, В. Курочкиным, С. Тхоржевским, В. Коцеком, В. Голявкиным, Б. Сергуненковым, В. Ляленковым входит в молодежное ЛИТО при издательстве «Советский писатель» под руководством сначала Л.Н. Рахманова, позднее М.Л. Слонимского. Сборник «Хлеб и соль» был поддержан критикой, отмечалась свежесть прозы молодого автора. Ю. Казаков увидел в нем человека, «щедрого на красоту и добро»; рассказы Горышина, внешне обыденные, «обогащены внутренней поэзией, пульсирующим подтекстом», «туги и наполнены ощущениями мощными»; «прочитав их, хочется самому сделать что-нибудь настоящее» (Щедрость души // Лит. газета. 1959. 14 июля). В 1960 принят в Союз писателей СССР (позднее – член СП России).

В 1958–1962 Горышин работает в геологических и изыскательских партиях в Восточных Саянах, в зоне затопления Братской ГЭС, в Забайкалье, на Дальнем Востоке, вновь на Алтае; в 1962 – корреспондент «Правды» на Сахалине. Экспедиция на Восточный Саян дала материал для «таежных» рассказов «Земля с большой буквы», «Саранка», «Три связки оленей»; из зоны затопления Братской ГЭС, из Забайкалья, с Дальнего Востока он привез повести и рассказы «Близко море», «Живые люди», «Накат», «Около океана», цикл очерков «Кто сидит со мной у костра», они вошли в сборники, изданные в начале 1960-х: «Фиорд Одьба» (1961), «В тридцать лет» (1961), «Земля с большой буквы» (1963).

«Моим пером, – вспоминал Горышин, – водило чувство свободы и счастья жить в мире, исполненном красоты и силы жизнотворчества» («Сюжет на тропе», 1976). Путевой очерк останется и позднее его рабочим жанром, а дорога, тропа – главным сюжетобразующим началом его прозы. Писатель не изменит журналистскому принципу поиска материала: «Надежда моя – на дорогу или, вернее сказать, на тропу; мой сюжет на тропе, надо вначале его отыскать, промерить сюжет ногами, а потом написать. Это правило я выработал для

себя за годы странствий...» (Там же). С молодых лет Горышин признавал себя последователем «странствующей музыки» К.Г. Паустовского, М.М. Пришвина, И.С. Соколова-Микитова, с Иваном Сергеевичем он познакомился в 1965, не раз позднее бывал в его ленинградской квартире и в доме в Карачарово. «Естественная» философия его ранних вещей формировалась и под заметным влиянием прозы А. Платонова. Писатель обращается к первоосновам жизни, утверждает ценность простых, не осложненных рефлексией потребностей человека в труде, любви, близости природе. Критика отмечала свойственный его прозе лиризм, открытость авторского «я», способность передать «волнующее дыхание современности», но наряду с этим и декларативность, описательность, склонность к «утешительным» или, напротив, мелодраматическим сюжетам (Трефилова Г. Азбука этики // Новый мир. 1964. № 12). После неоправданно резкой критики в статье Л. Антопольского «Радуга в один цвет» (Комсомольская правда. 1964. 30 июля) в защиту индивидуальной манеры Горышина в том же году выступили В. Аксенов (Семицветная радуга // Лит. газета. 1964. 21 нояб.) и С. Воронин (Об одной «жестокости» // Лит. Россия. 1964. 11 дек.). Рассматривая его прозу в русле общих для «молодой» литературы начала 1960-х поисков «сильной и цельной» личности, Л. Аннинский увидел в авторе писателя «чуткого, тонкого, <...> стилистически нежного» и «насквозь наивно честного» (Ядро ореха: критич. очерки. М., 1965).

Проза Горышина последующих лет (повести «Снег в октябре», 1966; «До полудня», 1967; «Водопад», 1971) остается преимущественно автобиографической, лирико-исповедальной; повествователь в ней узнаваем, это сам автор, сознающий неотделимость собственного «я» от постигаемого им природного и человеческого мира. «...Все, что было, – было со мной, – признается он, – и отделить себя от этого и отдать другим, придуманным мной людям, я не умел. Я хотел писать повесть, но получался дневник» («Градус благородства», 1963). За «навязчивый автобиографизм» Горышина не раз критиковали, но дневниковая исповедальность, близкая докумен-

тальной конкретность сюжета и материала, оформились в его прозе в художественную систему, определили ее своеобразие. «Рассказ – мой любимый жанр, – пояснял свои творческие принципы писатель. – У меня он ближе всего к дневнику, иногда произрастает из дневниковой записи. Дневник приучает писать о себе всю правду. Ну, пусть не всю, однако же правду...» («Возвращаясь к напечатанному», 1984).

В повестях и рассказах последующих лет («Родословная», 1969; «День-деньской», 1972; «Тридцать лет спустя», 1973; и др.) усиливается конкретно-документальное начало, сюжет выстраивается по принципу хроники, путешествия во времени и пространстве, возвращения к однажды найденному. В аннотации к книге «Стар и млад» (1978) Глеб Александрович писал о себе: «Автору свойственно постоянство интереса, привязанностей к определенным жизненным ситуациям, личностям; избрав однажды, то есть найдя в жизни, он затем, по прошествии лет, возвращается к ним, словно дописывает начатое, в соответствии с неповторимой реальностью человеческих судеб».

В самом значительном своем произведении – в повести «Запоть» (1965–1970), посвященной работавшим в 1942 на лесосплаве девушкам-блокадницам, писатель на широком документальном фоне, обращаясь к блокадному опыту отца, ставит вопрос об источниках нравственной стойкости военного поколения.

Неизменное стремление из города «в леса», лейтмотивная тема труда на земле, обращение к проблемам природной и национальной основ человеческой личности обретают в прозе Горышина в 1970-е годы черты осознанного почвенничества: он творчески и дружески сближается с кругом авторов «Нашего современника». Писатель работает в свободной форме, синтезирующей элементы различных жанров художественной эссеистики – мемуарного, биографического, технологического, путевого очерка, записок натуралиста и проч. («Этим летом», 1973; «Лавина», 1977; «По тропинкам поля своего», 1983; «Вид с горы», 1986), находит новые формы точных сви-

детельств о происходящем, ими становятся беглые наблюдения-заметки, «моментальные снимки», письма с дороги (и даже «открытки с дороги»). Дорожа живой подлинностью документа, неоднократно публикует дневники и письма своих героев; помимо уже упомянутых дневников Н.П. Смирнова – хронику плаваний «величиною в целую жизнь» исследователя Арктики Е.Н. Фрейберга (1984), «карачаровские записи» И.С. Соколова-Микитова (1991) и др.

В 1973 Глеб Александрович возглавил отдел прозы ленинградского журнала «Аврора», в 1977 стал его главным редактором, заметно расширив состав печатавшихся в нем авторов (В. Шукшин, В. Белов, А. Битов, А. Кушнер, Г. Горбовский, А. Житинский, В. Курочкин и др.). Снят с должности по обвинению в «идеологической диверсии» за публикацию в № 12 «Авроры» за 1981 (в декабре отмечался 75-летний юбилей Брежнева) юморески В. Голявкина «Юбилейная речь»; эпизод – «второй выстрел Авроры» – приобрел скандальную известность (см. очерк «На 75-й странице...», 1992). В 1970–1980-е Горышин – секретарь правления ЛО СП СССР, регулярно выступает в прессе как публицист и литературный критик, редактор и составитель коллективных сборников, автор предисловий к прозе И. Соколова-Микитова, М. Слонимского, А. Ливеровского, В. Голявкина, В. Курочкина и др. Выходят его сборники: «Друзья мои» (1974), «Повести и рассказы» (1976), «С наилучшими пожеланиями» (1977), «Стар и млад» (1978), «Запоть» (1980), «Избранное» (1981), «Чистая вода» (1982), «Уроки доброты» (1986), «Весенняя охота на боровую дичь» (1986), «Избранное» (1988), «Гора и Берег» (1989). По замечаниям критики, проза писателя зрелых лет сохранила изначально присущую ей конкретность, пластичность в изображении природы, «дневниковую» откровенность (Урбан А. По тропинкам и полям России // Москва. 1985. № 1).

В сборник «Жребий: рассказы о писателях» (1987) Горышин включил критико-мемуарные очерки о своих литературных учителях и близких по духу писателях-современниках – М.М. Пришвине, И.С. Соколове-Микитове, М.Л. Слонимском,

Ф.А. Абрамове, Б.И. Бурсове, А.А. Ливеровском, В. Белове, В. Шукшине, Ю. Казакове, В. Курочкине, В. Голявкине.

В 1980-е возглавлял экологическую комиссию при ЛО СП, участвовал в акциях по защите Ладожского и Онежского озер («Онего сегодня и завтра», 1981; «Глядя в глаза Ладоге», 1989; текст к фотоальбому «Ладога. Пока не поздно», 1989). Защите природы посвящены десятки его газетных и журнальных выступлений. На основании зарубежных поездок написаны циклы очерков: «Весною в Африке» (1980), «Монголия. Моментальные снимки» (1984), «В Англии на посиделках, или Что скажет Джин» (1991), «Глядя в окно поезда, идущего из Шанхая в Пекин» (1993). Опубликованы сборники рассказов и очерков для детей – «Кто сидит у костра» (1968), «О чем свистнул скворец» (1975), «На алтайской тропе» (1983, 1988); «Любовь к литературе» (1987).

В последние годы (1991–1998) Глеб Александрович работал в жанре «мемуаров о происходящем»: из лета в лето живя в вепсской деревне Нюрговичи, создавал хронику деревенской жизни, с пристальным вниманием фиксируя смену социальных, природных, погодных, собственных душевных состояний – циклы очерков «Луна запуталась в березе» (1991), «Слово Лешему» (1992), «Возвращение снега» (1993), «По весне, по осени» (1993), «Время дергача» (1994), «Назову собаку Песси» (1995), «Меняют нижние венцы» (1995), «И вздох осин при каждом шаге» (1996), «Черемуховый рай» (1997). Восхищение чудом жизни и благодарность за это чудо – главный мотив его поздней прозы, подведение жизненных итогов – ее основная грустная тема. Мягкий лиризм, живописность слова, тонкость пейзажных зарисовок, близких стихотворениям в прозе, общий интонационно-повествовательный ритм составили естественную основу для перехода Горышина-прозаика к поэтическому творчеству, в очерковые циклы он свободно включает стихотворные тексты, публикует подборки стихов, издает поэтические сборники «Виденья» (1990), «Возвращение снега» (1996). Дневниковые записи 1970–1980-х легли в основу мемуарных повестей «Мой мальчик, это я: записки

по вечерам» (1994), «Что читать при инфаркте: записи по вечерам» (1997). В 1995 награжден премией им. И. А. Бунина СП России и администрации Орловской области «За лучший рассказ года» («И дева плачет на рассвете...», 1995). В 1999 посмертно издана подготовленная автором, но при жизни не увидевшая света книга очерков «Слово Лешему». В 2005 опубликован сборник прозы разных лет «Звенит озябшая трава». Горышин – автор более 30 книг прозы, они переведены в Польше, Венгрии, Чехословакии, Японии.

Оглавление

Глеб Горышин: биография и творчество	5
Журналистика. Проза. Эссеистика. Критика. Стихи	13
Основная литература о творчестве Г. Горышина	58